

Глава 2

Стол всё-таки срубили и пустили на дрова, отчего в комнате немного потеплело. Но Бай Сяоху всё равно не спешил вылезать из-под одеяла — холод он переносил из рук вон плохо.

Не хватало ещё загнуться от дубака сразу после того, как ни с того ни с сего переселился в новое тело!

Сидеть у костра, закутавшись с головой в одеяло, выглядело, конечно, не слишком благородно, но когда речь шла о выживании, Сяоху плевать хотел на приличия.

Мучиться ради пресловутого «лица» — не его стиль.

А вот Юйчжу казалось, что в комнате уже вполне тепло. Мальчик сидел в сторонке, время от времени подбрасывая щепки в огонь. Бай Сяоху смотрел на него с невольным сочувствием: до чего же мелкий...

В их мире демонов-зверей такой сопляк не то что до совершеннолетия не дорос — он и ребенком-то толком не считался.

Отогревшись у огня, Бай Сяоху наконец пришел в себя и постепенно погрузился в медитацию. Для растений отсутствие возможности пустить корни в землю означало усваивать духовную энергию куда медленнее. Однако его техники кардинально отличались как от человеческих, так и от демонических. И это «медленнее» относилось только к его собственному сидению в почве — в сравнении с прочими культиваторами он всё равно поглощал ци с поразительной скоростью.

К тому же просто так сидеть было тошнотворно скучно, так почему бы не занять себя медитацией?

Раньше он не культивировал лишь потому, что из-за лютого холода согнулся в три погибели и совсем завял.

Духовные корни прежнего владельца тела окружающие считали абсолютно никчемным мусором. Но с точки зрения Бай Сяоху ничего лучше и придумать было нельзя. Когда-то, будучи демоном Попляс-травы, он обладал лишь тремя стихиями — водой, землей и деревом, а его врожденной способностью было создание карманного пространства. В те времена он ужасно завидовал тем, у кого при желании под рукой был огонь или металл, да и молнией припаять кого-нибудь тоже казалось жутко заманчивым.

Вот только природы не обманешь. Да и появившись у Попляс-травы стихия огня, она скорее спалила бы саму себя, чем пригодилась в бою.

Но теперь всё иначе.

Люди — удивительные создания: в их телах способны уживаться даже противоположные корни вроде воды и огня. Мало того, весь тот винегрет из духовных корней, доставшийся ему от прежнего хозяина, был не мусором, а настоящим сокровищем.

Стоит лишь доверху наполнить их духовной энергией, и среди равных по уровню культиваторов ему не найдется соперников.

Кто бы против него ни вышел — у Сяоху всегда найдется стихия, способная подавить врага!

От этой мысли Бай Сяоху едва не пустился в пляс, а его воображаемые листочки радостно затрепетали... Он аж вздрогнул и судорожно подавил этот порыв. Увидь Юйчжу, как его молодой господин буквально пускает побеги от радости, парня бы точно кондрашкахватила.

Ближе к вечеру Юйчжу снова сходил за едой. Никаких изысков, разумеется, не принес — жидкая каша да сухая пампушка-маньтоу. Ни капли духовной энергии, ни вкуса.

А главное — этим даже брюхо не набьешь.

Вспомнив, в каких условиях прошлый владелец тела жил последние два года, Бай Сяоху лишь про себя вздохнул. Сославшись на отсутствие аппетита, он отломил от своего маньтоу большой кусок и отдал Юйчжу, а сам сделал пару глотков каши.

Жижка оказалась ледяной... Твою же мать, они что, всерьез решили заморозить его насмерть?!

При таком скотском отношении прежний хозяин тела мог выжить только благодаря чудоживучести.

Бай Сяоху не стал устраивать сцену и просто продолжил греться у огня. Юйчжу сложил пиалы стопкой и тихо проговорил:

— Молодой господин, когда я возвращался, чуть не столкнулся со вторым молодым господином и старшей молодой госпожой. Оба ходили мрачнее тучи, прямо сдвинув брови. Интересно, что у них стряслось?

Бай Сяоху даже бровью не повел:

— Да какая разница? Чем хуже у них дела, тем нам веселее.

В конце концов, именно этот «второй молодой господин» и скинул прежнего Бай Сяоху в

ледяную воду.

Семейные обстоятельства у оригинала были — врагу не пожелаешь. Родители — выходцы из влиятельных кланов, брачующиеся по расчету, без единой капли чувств. Отец-подонок к тому же годами держал на стороне любовницу, нагуляв с ней двоих детей. Дочь оказалась одногодкой законного сына, а младшенький — тот самый второй молодой господин — отстал всего на два года.

Пока была жива мать оригинала, эту срамную тайну держали под строжайшим секретом. Но стоило клану матери оступить, а самой ей уйти из жизни, как плотину прорвало.

Сначала любовница въехала в дом в статусе второй жены и принялась изводить законного наследника. Затем она и вовсе прибрала к рукам помолвку оригинала, заграбастав нареченного жениха для собственной дочурки.

Дальше — больше. В особенности усердствовал братец: он винил оригинального Бай Сяоху за то, что сам рос байстрюком и прятался по углам, а потому срывал злость при каждом удобном случае.

Бедолага был слишком кроток и боязлив. Чем больше он забивался в угол, тем сильнее распоясывались обидчики — пока в итоге не загнали его в могилу.

Так что узнав об их невзгодах, Бай Сяоху мог лишь злорадно порадоваться.

Однако Юйчжу насупился:

— Молодой господин, вам нельзя терять бдительность! Их беды — полбеды, я боюсь, как бы эта гарь не перекинулась на нас.

В прошлый раз было то же самое: стоит этой парочке расплыться в ухмылке, как на следующий день выяснилось, что помолвку с кланом Фу переписали с господина на старшую девицу.

С тех пор повелось: стоит этим двум занять поворот в судьбе — плохой или хороший — они тут же прибегают к законному наследнику, чтобы либо похвастаться, либо сорвать злость.

— Мы обязаны быть наготове, молодой господин! — твердил слуга.

Бай Сяоху на мгновение задумался, а затем кивнул:

— Пойди и напиши на нашей двери крупные буквы: «Идиотам и бешеным собакам вход воспрещен».

Юйчжу опешил:

—... А?

— Пиши, говорю. Не ошибешься.

Что же до остального... Сейчас у него не было ни связей, ни денег, ни силы. Узнать, что там у них стряслось, он при всем желании не мог, так к чему попусту забивать голову?

Если Бай Сяоху не придавал этому значения, то Юйчжу сгорал от любопытства. Вывесив на двери обещанную надпись-оберег, мальчишка тут же шмыгнул за порог — собирать сплетни.

И ведь действительно выведал!

— Новость уже все обсуждают! — вернувшись, Юйчжу сиял как сорванный таэль. — Молодой господин, вы только представьте! У того самого Фу Са в битве с демонами разрушились духовные корни! Всё, спекся сокол!

— Старшая молодая госпожа теперь наверняка слёзы в три ручья льет! А ведь липла к нему, как голодная сука к кости, из кожи вон лезла, лишь бы у вас помолвку утянуть! Ну и где теперь этот Фу Са? Раньше-то нос драл, от нашего господина воротился, а теперь — калека без корней...

— Юйчжу, — перебил его Бай Сяоху. В его голосе прозвучали небывало строгие нотки.

Слуга мгновенно замялся, сбавил тон и виновато встал рядом:

— Что такое, молодой господин?

Бай Сяоху выдержал паузу и произнес:

— Тот подлог с помолвкой закрутили наши домашние ироды. В клане Фу могли даже не ведать всех тонкостей. А если и ведали, то инициатива исходила точно не от них.

Обычная помолвка, да еще заключенная до рождения — с точки зрения Бай Сяоху, святого в этом было мало.

Вырастут дети, не сойдутся характерами — расторгнут договор, эка невидаль. Тем более что Фу Са — обладатель редчайшего единичного духовного корня огня, гений из гениев. В три года встал на Дао, в семь достиг стадии Заложения Основания, а к восемнадцати уже сформировал Золотое Ядро. И это при том, что он сознательно тормозил прорыв — ведь после формирования

Золотого Ядра облик культиватора запечатывается навсегда. Не сделай он этой паузы, прорвался бы парочкой лет ранее.

А что оригинал? Для окружающих — восьмистихийный мусор, а на деле и вовсе обладатель девяти корней, беспросветная серость без единого шанса на будущее.

Разница в силе со временем превратилась бы в пропасть, о каких общих интересах могла идти речь? Расторжение помолвки было вопросом времени, и Бай Сяоху не собирался вставать в позу праведника, заявляя: «Раз договорились в колыбели, так хоть зубами скрипи, а женись, и плевать на вашу совместную жизнь».

Это уже не честь, а откровенное моральное насилие.

Оригинал, судя по всему, прекрасно это понимал и сам ждал дня, когда его освободят от этого бремени.

Цивилизованный путь прост: отцы семейств садятся за чашку чая и мирно расторгают узы. Вся мерзость ситуации заключалась лишь в том, что помолвку у оригинала с мясом вырвали свои же родственники.

Но вины самого Фу Са или его клана в этом не было.

Бай Сяоху посмотрел на слугу:

— Запомни, Юйчжу: счет обидам нужно вести честно. Если кто-то творит зло против тебя, а ты слаб — терпи и копи силы, чтобы потом отдавать с процентами. Но вымещать злость на непричастных — последнее дело. Клан Фу не навязывал эту рокировку. Приняли они ее по течению или из иных соображений — неважно, но инициаторами они не были. За все эти годы они ни разу не заикнулись о расторжении договора. Хочешь со вкусом кого-то проклясть — к твоим услугам вся наша родня, а Фу Са не трогай.

Он сделал паузу и добавил:

— К тому же он пострадал от рук демонов. Если я правильно помню, это произошло во время недавнего дозора на границе? Человек рисковал жизнью ради покоя всего людского рода. Не можешь посочувствовать — хотя бы не злорадствуй.

Юйчжу стыдливо повесил голову:

— Я понял, молодой господин... Больше не буду.

Поняв, что парень совсем раскис, Бай Сяоху сменил тон:

— Эй, ну чего ты нос повесил? Оставим Фу Са в покое, но над нашей-то семейкой поглумиться никто не запрещал! Столько сил ухлопали, плели интриги, выкручивали руки, чтобы цапануть такого жениха — а теперь, небось, локти кусают до самых костей!

Юйчжу мгновенно просиял. Его душевное устройство отличалось поразительной простотой: стоило старшей молодой госпоже и второму молодому господину впасть в кручину, как парня охватывал безудержный восторг.

Бай Сяоху и сам не скрывал довольной ухмылки:

— Наступают светлые деньки. Кидай дрова в огонь, не экономь, — велел он. — Завтра нам эта рухлядь не понадобится. Найдутся умельцы, которые протопят нам хоромы по высшему разряду.

Юйчжу с недоумением воззрился на хозяина:

— Молодой господин, у вас часом не бред от жара?

— Брысь, — Бай Сяоху шутливо щелкнул его по лбу. — Глупостей не мели.

Юйчжу в силу малолетства не догадывался, зато Бай Сяоху видел семейку насквозь. Если отец-подонки со своей сворой сумел отжать помолвку, пленившись беспрецедентным талантом гения из клана Фу, то теперь, когда гений превратился в калеку, они без колебаний спихнут эту обузу обратно.

Искать у этой своры совесть или хотя бы капли стыда — занятие заведомо обреченное.

И он угадал на все сто. В этот самый момент глава клана Бай вещал в своих покоях:

— Именно! Отдадим им Бай Сяоху. С нашей стороны никакого нарушения договора не будет — идеальный выход из положения.

Вторая жена сочила кротостью и елеем:

— И не говорите, дорогой супруг. В прошлый раз мы лишь пошли навстречу, поменяв невест, дабы клан Фу не брезговал нашим Сяоху. А нынче этот Фу Са сам стал никчемным калекой. Разве они с Сяоху теперь не пара — сапог два сапога? Смею надеяться, теперь-то он не станет нос воротить. Да и клан Фу не посмеет возразить, — прибавила она с ядовитой ухмылкой. — Нарушив условия в первый раз, они согласились на подмену лишь потому, что Сяоху казался им никчемным, а наша дочурка имела куда лучший духовный корень. В нынешнем положении они сами кругом виноваты, так что проглотят и слова не скажут.

Тем временем в усадьбе клана Фу шло точно такое же обсуждение.

— Раз так, нужно расторгнуть помолвку, — вздохнул глава клана Фу. — Негоже связывать жизнь молодой девушки с калекой.

Госпожа Фу печально опустила глаза:

— Доля у этого брака поистине несчастливая... Изначально ведь речь шла о малыше Сяоху. Но мальчик, устав от неудач в культивации, отчаянно невзлюбил всяких признанных гениев. Понимая, что ему не заложить Основание и век его будет короток, он лишь мечтал о тихой жизни обычного человека.

— Вот именно, — кивнул глава клана. — Мы тогда рассудили, что разрыв пойдет на пользу обоим. Наш Са-эр к тому же вовсе не помышлял о женитьбе, вот мы и собрались вернуть памятный знак. Кто же мог подумать...

Кто ж знал, что клан Бай выставит взамен свою дочь, да еще предъявит древние письменные обязательства?

Помня о том, что старик Бай когда-то спас ему жизнь, глава клана Фу не стал упрямыться. Но теперь... Нет, даже если девица Бай души не чает в их сыне, брак придется расторгнуть.

Однако из-за беды со старшим сыном в доме царил такой хаос, что они замешкались. И пока собирались с духом, из усадьбы Бай уже прилетело духовное послание.

В нем клан Бай настойчиво предлагал... вернуть в качестве невесты Бай Сяоху!

Бай Сяоху даже не пришлось ждать следующего утра. Этим же вечером отец-подонок приказал привести его. За посыльными далеко ходить не пришлось: сводные брат с сестрой явились лично.

Правда, уже у порога их встретил неожиданный сюрприз. Присмотревшись к размашистым иероглифам на косяке, второй молодой господин прочитал:

«Идиотам и бешеным собакам вход воспрещен».

От такой наглости парень озверел и с размаху врезал ногой по створке. Дверь с треском

распахнулась.

— Что за дрянь тут написана?! Кого это ты назвал идиотами и собаками?!

Бай Сяоху лишь усмехнулся, в его взгляде не было и тени прежней робости:

— Я просто принял меры против незваных тварей. Чего это второй младший брат так переполошился? На свой счет принял?

Брат с сестрой онемели от такой дерзости:

—...

Сзади не сдержался Юйчжу — из его груди вырвался громкий смешок.

Взгляды непрошенных гостей мгновенно налились кровью. Юйчжу по привычке дернулся было назад, но, вспомнив, что рядом господин, стиснул зубы и, преодолевая страх, сделал шаг вперед, заслоняя его.

Бай Сяоху тронула эта верность, однако он мягко потянул слугу обратно себе за спину.

— Ночь на дворе, люди спать собираются. Какого черта приперлись? — без обиняков спросил он.

Парочка почувствовала: с этим мусором явно что-то не так. Прежняя овечья покорность испарилась без следа. Впрочем, придавать этому значения они не стали. Братец лишь безглаголиво ткнул пальцем в догорающие угли на полу:

— Ты что удумал, дом спалить решился?

— А почему бы и нет? — с беспечной ухмылкой откликнулся Бай Сяоху. — Жизнь у меня все равно паршивая, терять нечего. Если разгорится посильнее — захвачу с собой и младшую сестренку, и второго братца. Помрем вместе, а?

У второго молодого господина едва крышу не сорвало от злости:

— Хочешь сдохнуть — иди и сдохни, никто тебя держать не станет! Кого ты тут пугать собрался?!

Старшая сестра вовремя схватила брата за рукав:

— Не кипятись.

Освободив руку, она холодно бросила:

— Отец требует тебя к себе.

С этим словом она развернулась и пошла прочь.

Сейчас решался вопрос ее будущего счастья, и любая оплошность могла дорого обойтись. Пусть этот никчемный мусор порадуется своей дерзости еще пару мгновений. Все равно скоро его ждет участь куда хуже смерти.

<http://bllate.org/book/20645/2105854>